

УДК 341.7:348.1

DOI: 10.34670/AR.2026.91.29.083

**Православные храмы и богослужебные пространства Русской
Православной Церкви при дипломатических и консульских
учреждениях Российской Федерации за рубежом: международно-
правовой режим**

Храмешин Сергей Николаевич

Доктор философских наук,
профессор кафедры международного права,
Славяно-Греко-Латинская академия,
105037, Российская Федерация,
Москва, Городок им. Баумана, 2, стр. 3;
e-mail: rector@sgla.ru

Аннотация

В статье исследуется международно-правовой режим православных храмов, домовых церквей и богослужебных помещений Русской Православной Церкви, находящихся при дипломатических представительствах, консульских учреждениях и иных зарубежных учреждениях Российской Федерации. Проблема рассматривается в рамках специальности 5.1.5 «Международно-правовые науки», прежде всего через институты дипломатического и консульского права, международной защиты свободы религии, правосубъектности религиозных объединений и соотношения международно-правового режима неприкосновенности с правом принимающего государства. Обосновывается, что храм или богослужебное помещение, расположенное на территории посольства либо консульства, не приобретает самостоятельного дипломатического статуса и не становится «экстерриториальным» объектом в строгом смысле. Его правовой режим является производным: он зависит от статуса помещения миссии или консульского учреждения, от функциональной совместимости использования помещения с задачами учреждения, от согласия и правопорядка принимающего государства, а также от внутреннего канонико-организационного статуса соответствующей церковной структуры. На примерах Успенского храма в Пекине, храма Святой Троицы при Посольстве России в Боливии, Георгиевского храма при Посольстве России в Праге и богослужебных пространств при российских учреждениях в Турции показана необходимость различать дипломатическую неприкосновенность помещения, свободу религиозной практики и правовой статус религиозной общины как самостоятельного субъекта национального права. Предлагается модель комплексного описания такого режима: производная неприкосновенность, функциональная допустимость, соблюдение права принимающего государства, каноническая подчинённость и договорно-протокольная определённость доступа.

Для цитирования в научных исследованиях

Храмешин С.Н. Православные храмы и богослужебные пространства Русской Православной Церкви при дипломатических и консульских учреждениях Российской Федерации за рубежом: международно-правовой режим // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 4А. С. 695-706. DOI: 10.34670/AR.2026.91.29.083

Ключевые слова

Международное право, дипломатическое право, консульское право, Венская конвенция о дипломатических сношениях, Венская конвенция о консульских сношениях, неприкосновенность помещений миссии, свобода религии, Русская Православная Церковь, зарубежные приходы, православные храмы за рубежом, правовой статус религиозных организаций.

Введение

Православные храмы и богослужебные пространства, действующие при дипломатических и консульских учреждениях Российской Федерации за рубежом, образуют специфический предмет международно-правового анализа. Они находятся на пересечении нескольких нормативных систем: международного дипломатического и консульского права, права принимающего государства, международных стандартов свободы религии, внутреннего права религиозных организаций и канонического устройства Русской Православной Церкви. Поэтому их статус не может быть описан одной формулой: ни термином «экстерриториальность», который часто используется в публицистике, но не является точным юридическим понятием для помещений миссии, ни термином «обычный приход», поскольку богослужебное пространство при посольстве или консульстве связано с режимом особой международно-правовой защиты помещений учреждения.

Актуальность темы обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, в современных международных отношениях дипломатические и консульские учреждения сохраняют значение не только как органы официального представительства государства, но и как инфраструктура культурного, гуманитарного и религиозно-общинного присутствия. Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г. относит к функциям дипломатического представительства, помимо собственно представительства и защиты интересов, также содействие развитию дружественных отношений, экономических, культурных и научных связей [Венская конвенция о дипломатических сношениях, 1961, ст. 3]. Венская конвенция о консульских сношениях 1963 г. в свою очередь закрепляет функции содействия развитию культурных связей, оказания помощи гражданам и защиты их интересов [Венская конвенция о консульских сношениях, 1963, ст. 5]. В религиозно-пастырском измерении это особенно значимо для диаспор, военнослужащих, сотрудников дипломатических учреждений и соотечественников за рубежом.

Во-вторых, международно-правовой режим помещений дипломатической миссии и консульского учреждения не совпадает с территориальной юрисдикцией государства пребывания и не отменяет её. Неприкосновенность помещений миссии по статье 22 Венской конвенции 1961 г. означает обязанность принимающего государства не входить в помещения без согласия главы миссии и принимать меры по их защите [Венская конвенция о дипломатических сношениях, 1961, ст. 22]. Однако это не означает, что такие помещения становятся территорией аккредитующего государства. В доктрине дипломатического права давно подчёркивается, что представление об «экстерриториальности» посольств юридически неточно; оно исторически объясняет иммунитет, но не раскрывает современную функциональную природу привилегий и иммунитетов [Higgins, 1985]. Данный тезис имеет прямое значение для храмов при посольствах: храм внутри миссии не переносит церковную

общину в «пространство вне права» принимающего государства.

В-третьих, международное право защищает свободу мысли, совести и религии, включая свободу исповедовать религию индивидуально и совместно с другими, публично или частным образом, в богослужении, обучении, обрядах и практике [Международный пакт о гражданских и политических правах, 1966, ст. 18; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, 1950, ст. 9]. Однако данная свобода реализуется через конкретные национальные правовые порядки, в которых религиозная община может нуждаться в признании, регистрации, имущественной правоспособности и доступе к богослужебным зданиям. Именно здесь дипломатико-консульский режим, международное право прав человека и национальное право принимающего государства вступают во взаимодействие, порождая сложный, но юридически описуемый статус.

Цель статьи состоит в определении международно-правового режима православных храмов и богослужебных пространств Русской Православной Церкви при дипломатических и консульских учреждениях Российской Федерации за рубежом. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: выявить пределы применимости режима неприкосновенности помещений миссии и консульского учреждения к богослужебным пространствам; разграничить дипломатический статус помещения и правовой статус религиозной общины; рассмотреть международные стандарты свободы религии, значимые для зарубежных православных приходов; проанализировать отдельные практические примеры; предложить концептуальную модель правовой квалификации соответствующих объектов.

Методологически исследование опирается на формально-юридический анализ международных договоров, сравнительно-правовой подход, анализ международной судебной практики, системное толкование норм дипломатического, консульского и правозащитного права, а также институциональный анализ церковно-правового статуса зарубежных учреждений Русской Православной Церкви. Такая постановка вопроса соответствует паспорту научной специальности 5.1.5 «Международно-правовые науки», поскольку затрагивает предмет, методологию, систему международного права, вопросы международной правосубъектности, дипломатического и консульского права, международной защиты прав человека и взаимодействия международного права с иными нормативными системами [Паспорт научной специальности 5.1.5, 2022].

Помещения дипломатической миссии и консульского учреждения: неприкосновенность, функциональность и пределы использования

Исходной нормой для анализа является статья 22 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. Она закрепляет неприкосновенность помещений миссии, запрет на вход представителей принимающего государства без согласия главы миссии, специальную обязанность государства пребывания защищать помещения от вторжения, ущерба, нарушения спокойствия миссии или умаления её достоинства, а также иммунитет помещений, имущества и средств передвижения миссии от обыска, реквизиции, ареста и исполнительных действий [Венская конвенция о дипломатических сношениях, 1961, ст. 22]. Данная норма была подтверждена как один из центральных элементов дипломатического права в практике Международного суда ООН, в частности в деле о дипломатическом и консульском персонале США в Тегеране, где Суд подчеркнул особое значение режима неприкосновенности дипломатических и консульских помещений и персонала [United States Diplomatic and Consular

Staff in Tehran, 1980].

Тем не менее неприкосновенность не тождественна суверенитету над помещением. Помещения миссии остаются на территории принимающего государства, но изымаются из ряда форм принудительного воздействия в силу международного обязательства. Иными словами, речь идёт не о территориальном исключении, а о функциональной защите, предоставляемой для эффективного осуществления дипломатических функций. Этот подход прямо связан с общей логикой Венской конвенции 1961 г.: привилегии и иммунитеты предоставляются не для выгоды отдельных лиц или учреждений как таковых, а для обеспечения эффективного выполнения функций миссии как представительства государства. В доктрине дипломатического права это обычно именуется функциональной концепцией иммунитетов [Draft Articles on Diplomatic Intercourse and Immunities, 1958; Higgins, 1985].

Статья 41 Венской конвенции 1961 г. вводит важнейшее ограничение: лица, пользующиеся привилегиями и иммунитетами, обязаны уважать законы и постановления принимающего государства; помещения миссии не должны использоваться способом, несовместимым с функциями миссии, определёнными Конвенцией или иными нормами общего международного права [Венская конвенция о дипломатических сношениях, 1961, ст. 41]. Следовательно, если в пределах посольского комплекса находится храм, часовня или богослужебное помещение, правовая оценка должна исходить не только из факта нахождения на территории миссии, но и из вопроса функциональной совместимости религиозного использования помещения с дипломатическим присутствием. Для внутренней религиозной жизни сотрудников миссии и их семей, а также для культурно-гуманитарной поддержки соотечественников такая совместимость может быть обоснована; однако открытая приходская деятельность с широким доступом третьих лиц требует дополнительной регламентации и, как правило, согласования с принимающей стороной.

Для консульских учреждений режим ещё более дифференцирован. Статья 31 Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. устанавливает неприкосновенность консульских помещений, но специально указывает, что власти принимающего государства не вправе входить в ту часть консульских помещений, которая используется исключительно для целей работы консульского учреждения, без согласия соответствующего должностного лица; при пожаре или иной чрезвычайной ситуации согласие может презюмироваться [Венская конвенция о консульских сношениях, 1963, ст. 31]. Эта формулировка заметно отличается от более абсолютной редакции статьи 22 Венской конвенции 1961 г. и усиливает значение критерия «исключительного использования» помещения для целей консульского учреждения. Поэтому православный храм или богослужебное пространство при консульстве требует ещё более осторожной квалификации: если оно находится внутри консульского комплекса, но используется как регулярный приходский объект, может возникнуть вопрос, является ли такое использование консульской функцией или требует самостоятельного режима в праве принимающего государства.

Статья 55 Венской конвенции 1963 г., аналогично статье 41 Венской конвенции 1961 г., закрепляет обязанность уважать законы и правила принимающего государства и запрещает использовать консульские помещения способом, несовместимым с осуществлением консульских функций [Венская конвенция о консульских сношениях, 1963, ст. 55]. Вместе с тем статья 5 Конвенции 1963 г. относит к функциям консульского учреждения защиту интересов граждан, оказание помощи и содействие развитию культурных связей [Венская конвенция о консульских сношениях, 1963, ст. 5]. В этом контексте богослужебная деятельность при

консульском учреждении может быть связана с заботой о гражданах и соотечественниках, но не должна превращаться в форму обхода правового порядка принимающего государства, особенно если она выходит за пределы внутренней жизни дипломатико-консульского сообщества.

Актуальность этой проблемы подтверждается современной международной практикой защиты помещений миссии. В деле «Посольство Мексики в Кито» Международный суд ООН рассматривал вопрос о нарушении режима дипломатических помещений после событий, связанных с проникновением представителей государства пребывания в посольство [Embassy of Mexico in Quito, 2024]. Хотя данное дело не связано с религиозными объектами, оно показывает, что принцип неприкосновенности помещений миссии остаётся одним из наиболее чувствительных элементов современного международного права. Для исследуемой темы это означает: если храм расположен внутри помещений миссии, его физическая защищённость производна от режима миссии; однако религиозный характер пространства не расширяет сам дипломатический иммунитет и не создаёт самостоятельного международно-правового статуса церковной общины.

Религиозная община, свобода богослужения и правосубъектность: международно-правовой уровень

Международное право прав человека задаёт общий нормативный фон для анализа статуса православных приходов за рубежом. Статья 18 Международного пакта о гражданских и политических правах закрепляет право каждого на свободу мысли, совести и религии, включая свободу исповедовать религию индивидуально или совместно с другими, публично или частным образом, в богослужении, соблюдении обрядов, практике и обучении [Международный пакт о гражданских и политических правах, 1966, ст. 18]. Комитет ООН по правам человека в Замечании общего порядка № 22 подчёркивает, что свобода религии охватывает широкий круг актов проявления убеждений и не ограничивается внутренним убеждением [Human Rights Committee, 1993].

В европейском правовом пространстве аналогичную функцию выполняет статья 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Она защищает свободу религии, включая богослужение, обучение, практику и соблюдение обрядов, а также допускает ограничения лишь при условии, что они предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья, нравственности или прав и свобод других лиц [Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, 1950, ст. 9]. Практика Европейского суда по правам человека демонстрирует, что религиозная свобода имеет не только индивидуальное, но и коллективное измерение. Это особенно важно для приходов, поскольку приход не сводится к совокупности частных религиозных действий, а выступает устойчивой общиной, нуждающейся в правоспособности, помещении, духовенстве и возможности организованного богослужения.

В деле «Метрополия Бессарабии и другие против Молдовы» Европейский суд по правам человека рассматривал отказ государства в признании православной церковной структуры и пришёл к выводу о нарушении статьи 9 Конвенции [Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova, 2001]. Дело имеет принципиальное значение для исследуемой темы: оно показывает, что государственное признание или регистрация религиозной организации не является технической формальностью, поскольку от неё зависит возможность общины действовать юридически, владеть имуществом, открывать счета, вести деятельность и защищать свои права.

Применительно к храмам при посольствах это означает, что наличие богослужебного помещения в пределах миссии не всегда решает вопрос правового статуса общины как религиозной организации на территории принимающего государства.

В деле «Свято-Михайловская парафия против Украины» Европейский суд также рассматривал вопросы внутренней жизни религиозной общины, правосубъектности и вмешательства государства в церковно-организационные отношения [Svyato-Mykhaylivska Parafiya v. Ukraine, 2007]. В деле «Святой Синод Болгарской Православной Церкви (митрополит Инокентий) и другие против Болгарии» Суд подчеркнул принцип нейтральности государства в религиозных спорах и недопустимость произвольного вмешательства в организационное устройство Церкви [Holy Synod of the Bulgarian Orthodox Church (Metropolitan Inokentiy) and Others v. Bulgaria, 2009]. Эти решения не регулируют непосредственно храм при дипломатическом представительстве, но позволяют сформулировать важный общий вывод: религиозная община как коллективный субъект свободы религии нуждается в юридически определённом статусе, который не может автоматически выводиться из статуса посольства.

Международные руководящие документы ОБСЕ/БДИПЧ и Венецианской комиссии по правосубъектности религиозных или мировоззренческих общин развивают эту линию, подчёркивая, что правовой режим религиозных организаций должен обеспечивать возможность действовать совместно, владеть или пользоваться имуществом, открывать места поклонения и осуществлять религиозные функции без дискриминации [OSCE/ODIHR; Venice Commission, 2014]. Для Русской Православной Церкви за рубежом это означает, что приход, миссия, подворье или домовый храм должны быть описаны не только канонически, но и юридически: через право собственности или пользования помещением, через форму доступа верующих, через статус духовенства, через отношения с государственными учреждениями Российской Федерации и с властями принимающего государства.

Внутреннее российское право также различает религиозное объединение и государственное учреждение. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» закрепляет правовые формы религиозных объединений в российском правовом порядке и исходит из принципа свободы совести и вероисповедания [Федеральный закон № 125-ФЗ, 1997]. Но этот закон не создаёт правового статуса для православного прихода в иностранном государстве; за рубежом такой статус определяется прежде всего правом принимающей страны и международными обязательствами соответствующего государства. В то же время Устав Русской Православной Церкви подчёркивает, что Церковь осуществляет деятельность при уважении и соблюдении законов каждого государства [Устав Русской Православной Церкви, 2024]. Для зарубежных учреждений РПЦ это положение имеет особую важность: каноническая принадлежность не отменяет национально-правового режима территории, имущества, доступа и публичной деятельности.

Практические формы существования храмов и богослужебных пространств при российских учреждениях за рубежом

Практика показывает, что православные богослужебные пространства при зарубежных российских учреждениях неоднородны. Можно выделить несколько моделей. Первая модель — полноценный храм, расположенный на территории дипломатической миссии и функционирующий как богослужебный центр для сотрудников учреждения, соотечественников и иных православных верующих при установленном режиме доступа. Вторая модель — домовая

церковь или часовня внутри дипломатического либо консульского комплекса, доступ к которой преимущественно ограничен внутренним кругом учреждения. Третья модель — регулярное совершение богослужений в помещении посольства или консульства без самостоятельного храмового здания. Четвёртая модель — исторический храм, возникший при российском дипломатическом или консульском присутствии, но впоследствии получивший более самостоятельный приходской или культурно-исторический режим.

Показательным примером первой модели является Успенский храм в Пекине. Официальные церковные источники сообщают, что 13 октября 2009 г. в Пекине на территории Посольства России в Китайской Народной Республике был освящён православный храм Успения Пресвятой Богородицы [В Пекине на территории российского посольства освящен православный храм, 2009]. Официальный сайт храма указывает, что богослужения в Успенском храме на территории Посольства РФ в КНР совершаются регулярно, а посещение храма связано с установленными правилами доступа на территорию посольства [Посещение храма на территории Посольства РФ в КНР, 2026]. Этот пример хорошо иллюстрирует двойственность режима: с одной стороны, храм находится внутри защищённого посольского пространства; с другой стороны, участие верующих в богослужениях требует не только церковной, но и режимно-пропускной организации, поскольку доступ осуществляется через инфраструктуру дипломатического учреждения.

В международно-правовом смысле пекинский пример демонстрирует, что храм внутри миссии выступает не отдельным дипломатическим субъектом, а частью комплекса, правовой режим которого определяется прежде всего статусом помещений миссии. В то же время регулярная богослужебная деятельность показывает наличие религиозно-общинной функции, которая выходит за рамки узкого служебного использования помещения сотрудниками посольства. Поэтому устойчивость такого режима предполагает согласование с принимающей стороной, ясное определение порядка доступа и соблюдение местных правовых условий. Именно поэтому в описании истории храма подчёркивается согласование работ с китайской стороной [История Успенского храма в Пекине, 2026].

Второй значимый пример — храм Святой Троицы при Посольстве России в Боливии в городе Ла-Пас. Официальный сайт Отдела внешних церковных связей сообщает о совершении архиерейского богослужения в храме Святой Троицы при Посольстве России в Боливии [В храме при Посольстве России в Боливии совершено архиерейское богослужение, 2022]. Епархиальные источники также указывают этот храм как приход при Посольстве России в Боливии с конкретным адресом, совпадающим с адресом посольского комплекса [Приходы Русской Православной Церкви в Южной Америке, 2026]. Данный случай демонстрирует, что церковная структура может быть включена в епархиальную систему РПЦ и одновременно быть связанной с объектом государственного дипломатического присутствия.

Боливийский пример особенно важен для разграничения канонической и международно-правовой плоскостей. В каноническом отношении храм входит в соответствующую епархию Русской Православной Церкви; в имущественно-пространственном отношении он связан с территорией российского дипломатического учреждения; в правовом отношении его деятельность должна учитывать как режим посольских помещений, так и законодательство Боливии о религиозной деятельности, строительстве, безопасности и доступе. Следовательно, наличие храма при посольстве не устраняет необходимость различать внутреннее церковное подчинение, дипломатическую охрану помещения и национально-правовые условия религиозной деятельности.

Третий пример — храм святого великомученика Георгия Победоносца при Посольстве России в Праге. Министерство иностранных дел Российской Федерации сообщало о литургии в храме Георгия Победоносца, расположенном на территории Посольства России, по случаю 10-летия его освящения [О мероприятиях с участием Посольства РФ в Чехии, 2009]. Справочные церковно-краеведческие материалы также указывают, что храм находится на территории российского посольства в Праге и относится к Русской Православной Церкви Московского Патриархата [Прага, Церковь Георгия Победоносца при Посольстве России, 2026]. В данном случае особенно заметно историко-культурное измерение: посольский храм выступает не только местом богослужения, но и элементом культурного присутствия, памяти и связи диаспоры с церковной традицией.

Четвёртый блок примеров связан с Турцией. Официальные церковные материалы сообщают о совершении Литургии в Посольстве Российской Федерации в Анкаре [В Посольстве Российской Федерации в Анкаре отслужена Литургия, 2018]. При этом храм святых равноапостольных Константина и Елены в Стамбуле описывается как храм, построенный в XIX в. на территории летней резиденции Посольства Российской империи; современные справочные ресурсы российских учреждений за рубежом также указывают его связь с российским присутствием в Турции [Храм святых равноапостольных Константина и Елены в Стамбуле, 2026; Русские православные церкви в Турции, 2026]. Этот материал показывает, что «посольский» или «консульский» храм может иметь историческую траекторию, в которой меняются государственно-правовые, имущественные и церковные обстоятельства, но сохраняется религиозно-культурная функция.

Сравнение приведённых примеров позволяет выделить практическое ядро проблемы. Во всех случаях храм или богослужebное пространство связано с российским дипломатическим или консульским присутствием; однако юридическая природа этой связи различна. В одном случае храм является частью посольского комплекса с установленным режимом доступа; в другом — приходом епархии, расположенным при посольстве; в третьем — историческим объектом при дипломатическом учреждении; в четвёртом — местом совершения богослужения в помещениях учреждения без самостоятельного храмового статуса. Поэтому единая формула «храм на территории посольства» юридически недостаточна: она должна быть расшифрована через статус помещения, режим доступа, форму церковной организации, имущественное основание и степень согласования с принимающим государством.

Концептуальная модель международно-правового режима: производная неприкосновенность и правовая определённость

На основании проведённого анализа можно предложить модель международно-правовой квалификации храмов и богослужebных пространств Русской Православной Церкви при дипломатических и консульских учреждениях Российской Федерации за рубежом. Первый элемент модели — производная неприкосновенность. Если храм или богослужebное помещение находится внутри помещений дипломатической миссии, на него распространяется физический режим защиты помещения миссии постольку, поскольку оно является частью соответствующего комплекса. Однако эта защита не принадлежит храму как самостоятельному религиозному объекту; она производна от статуса миссии. Аналогично при консульском учреждении режим должен учитывать более узкую и функционально обусловленную неприкосновенность консульских помещений [Венская конвенция о консульских сношениях,

1963, ст. 31].

Второй элемент — функциональная допустимость. Использование помещения миссии или консульского учреждения для религиозных целей должно быть совместимо с функциями учреждения и не противоречить статьям 41 Венской конвенции 1961 г. и 55 Венской конвенции 1963 г. [Венская конвенция о дипломатических сношениях, 1961, ст. 41; Венская конвенция о консульских сношениях, 1963, ст. 55]. Для богослужений сотрудников учреждения, их семей и граждан аккредитуемого государства такая совместимость может быть обоснована культурно-гуманитарной и пастырской функцией. Но если храм становится открытым приходским центром для широкого круга лиц, необходимо более чёткое юридическое оформление доступа, безопасности, ответственности и соблюдения законодательства принимающего государства.

Третий элемент — соблюдение права принимающего государства. Даже при наличии дипломатической неприкосновенности помещения отправление религиозных обрядов не должно нарушать публичный порядок, законодательство о безопасности, миграционные правила, требования к массовым мероприятиям, строительные и санитарные нормы. Этот вывод следует не только из Венских конвенций, но и из общего подхода международного права прав человека: свобода проявления религии допускает ограничения, если они предусмотрены законом и необходимы для защиты общественной безопасности, порядка, здоровья, нравственности или прав других лиц [Международный пакт о гражданских и политических правах, 1966, ст. 18; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, 1950, ст. 9].

Четвёртый элемент — каноническая и институциональная определённость. Устав Русской Православной Церкви содержит общую установку на уважение законов каждого государства, а также предусматривает церковные учреждения за рубежом в системе церковного управления [Устав Русской Православной Церкви, 2024; Церковные учреждения в дальнем зарубежье, 2013]. Следовательно, храм при дипломатическом учреждении должен иметь определённое церковное подчинение, назначенного клирика, ясный статус в системе епархии или зарубежного церковного учреждения, а также понятные отношения с государственным учреждением, на территории которого он действует. Отсутствие такой определённости повышает риск смешения церковной, дипломатической и административной ответственности.

Пятый элемент — протоколно-договорная регламентация. Наиболее устойчивым способом урегулирования является документирование статуса через дипломатические ноты, соглашения о пользовании помещением, внутренние положения о доступе, согласования с принимающей стороной и, при необходимости, регистрацию религиозной структуры в национальном праве. Именно такая регламентация позволяет избежать юридических фикций. Храм при посольстве не должен становиться пространством, где религиозная деятельность «поглощается» государственным иммунитетом; но и принимающее государство не должно произвольно препятствовать осуществлению богослужения, если оно не нарушает публичный порядок и согласовано с режимом дипломатического учреждения.

Шестой элемент — отказ от юридически ошибочной экстерриториальной риторики. С практической точки зрения формула «на территории посольства» удобна и широко употребляется в церковных и дипломатических сообщениях. Однако в юридическом исследовании необходимо уточнять: помещение миссии неприкосновенно, но не является территорией аккредитуемого государства. Это различие особенно важно для вопросов юрисдикции, ответственности, доступа граждан принимающего государства, регистрации религиозной организации и возможных споров. В противном случае возникает ложное

представление, что храм при посольстве автоматически освобождён от всех требований местного права, что не соответствует Венским конвенциям и современной доктрине дипломатических иммунитетов [Higgins, 1985; U.S. Department of State, 2018].

Заключение

Православные храмы и богослужебные пространства Русской Православной Церкви при дипломатических и консульских учреждениях Российской Федерации за рубежом обладают комплексным, многослойным правовым режимом. Они находятся в зоне пересечения международного дипломатического и консульского права, международного права прав человека, права принимающего государства, церковного права и дипломатического протокола. Поэтому их нельзя квалифицировать ни как обычные религиозные объекты, полностью отделённые от режима государственного учреждения, ни как самостоятельные носители дипломатического иммунитета.

Основной вывод состоит в том, что статус таких храмов следует описывать через категорию производного режима. Если храм расположен внутри помещений дипломатической миссии, он защищён в силу неприкосновенности помещений миссии; если он находится при консульском учреждении, режим защиты зависит от правил консульской неприкосновенности и критерия функционального использования помещения. При этом религиозная община, духовенство и прихожане не приобретают дипломатического статуса только потому, что богослужение совершается в посольском или консульском пространстве.

Международно-правовая устойчивость рассматриваемой практики требует ясного разграничения пяти элементов: физической неприкосновенности помещения; церковно-канонического статуса храма или прихода; правового статуса религиозной общины в принимающем государстве; режима доступа верующих; функциональной совместимости религиозной деятельности с назначением дипломатического или консульского учреждения. Такое разграничение позволяет избежать как излишней сакрализации дипломатического иммунитета, так и необоснованного ограничения религиозной свободы.

В практическом отношении целесообразно формировать типовую правовую модель для православных храмов при зарубежных учреждениях Российской Федерации: предварительное согласование с принимающим государством; фиксация статуса помещения; определение церковного подчинения; правила доступа; соблюдение местных требований безопасности и публичного порядка; разграничение ответственности дипломатического учреждения и церковной структуры. Такая модель соответствует как Венским конвенциям, так и международным стандартам свободы религии, а также отвечает интересам соотечественников и православных общин за рубежом.

Библиография

1. В Пекине на территории российского посольства освящен православный храм // Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата. 13.10.2009. – URL: <https://mospat.ru/ru/news/58412/>.
2. В Посольстве Российской Федерации в Анкаре отслужена Литургия // Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата. 25.12.2018. – URL: <https://mospat.ru/ru/news/46825/>.
3. В храме при Посольстве России в Боливии совершено архиерейское богослужение // Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата. 10.08.2022. – URL: <https://mospat.ru/ru/news/89510/>.
4. Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г. – URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/9_1_1961.pdf.

5. Венская конвенция о консульских сношениях 1963 г. –
URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/9_2_1963.pdf.
6. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. –
URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_ENG.
7. История Успенского храма в Пекине // Храм Успения Пресвятой Богородицы города Пекина. –
URL: <https://orthodoxbj.com/history/>.
8. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. –
URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/ccpr.pdf>.
9. О мероприятиях с участием Посольства РФ в Чехии // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 29.06.2009. – URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/cz/1675837/>.
10. Паспорт научной специальности 5.1.5 «Международно-правовые науки». –
URL: <https://mgimo.ru/upload/2022/08/5.1.5-mezhdunarod-pravovye-nauki.pdf>.

Orthodox Churches and Liturgical Spaces of the Russian Orthodox Church at Diplomatic and Consular Missions of the Russian Federation Abroad: International Legal Regime

Sergei N. Khrameshin

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor, Department of International Law,
Slavic-Greek-Latin Academy,
105037, 2, bld. 3, Gorodok im. Bauman, Moscow, Russian Federation;
e-mail: rector@sgla.ru

Abstract

The article examines the international legal regime of Orthodox churches, house churches, and liturgical premises of the Russian Orthodox Church located at diplomatic missions, consular posts, and other foreign establishments of the Russian Federation. The problem is considered within the framework of specialty 5.1.5 "International Legal Sciences," primarily through the institutions of diplomatic and consular law, international protection of freedom of religion, the legal personality of religious associations, and the correlation of the international legal regime of inviolability with the law of the receiving state. It is substantiated that a church or liturgical premises located on the territory of an embassy or consulate does not acquire an independent diplomatic status and does not become an "extraterritorial" object in the strict sense. Its legal regime is derivative: it depends on the status of the mission's or consular post's premises, on the functional compatibility of the use of the premises with the tasks of the mission, on the consent and legal order of the receiving state, as well as on the internal canonical and organizational status of the corresponding church structure. Using the examples of the Dormition Church in Beijing, the Holy Trinity Church at the Russian Embassy in Bolivia, St. George's Church at the Russian Embassy in Prague, and liturgical spaces at Russian establishments in Turkey, the necessity is shown of distinguishing between the diplomatic inviolability of premises, the freedom of religious practice, and the legal status of a religious community as an independent subject of national law. A model for a comprehensive description of such a regime is proposed: derivative inviolability, functional permissibility, compliance with the law of the receiving state, canonical subordination, and treaty-protocol certainty of access.

For citation

Khrameshin S.N. (2026) Pravoslavnye khramy i bogoslužebnye prostranstva Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi pri diplomaticheskikh i konsul'skikh uchrezhdeniyakh Rossiyskoy Federatsii za rubezhom: mezhdunarodno-pravovoy rezhim [Orthodox Churches and Liturgical Spaces of the Russian Orthodox Church at Diplomatic and Consular Missions of the Russian Federation Abroad: International Legal Regime]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (4A), pp. 695-706. DOI: 10.34670/AR.2026.91.29.083

Keywords

International law, diplomatic law, consular law, Vienna Convention on Diplomatic Relations, Vienna Convention on Consular Relations, inviolability of mission premises, freedom of religion, Russian Orthodox Church, foreign parishes, Orthodox churches abroad, legal status of religious organizations.

References

1. An Orthodox church was consecrated on the territory of the Russian embassy in Beijing // Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate. 13.10.2009. – URL: <https://mospat.ru/ru/news/58412/>
2. A Liturgy was celebrated at the Embassy of the Russian Federation in Ankara // Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate. 25.12.2018. – URL: <https://mospat.ru/ru/news/46825/>
3. An episcopal service was held in the church at the Russian Embassy in Bolivia // Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate. 10.08.2022. – URL: <https://mospat.ru/ru/news/89510/>
4. Vienna Convention on Diplomatic Relations, 1961 – URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/9_1_1961.pdf
5. Vienna Convention on Consular Relations, 1963 – URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/9_2_1963.pdf
6. European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, 1950 – URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_ENG
7. History of the Assumption Church in Beijing // Church of the Assumption of the Blessed Virgin Mary in Beijing. – URL: <https://orthodoxbj.com/history/>
8. International Covenant on Civil and Political Rights, 1966 – URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/ccpr.pdf>
9. On events with the participation of the Embassy of the Russian Federation in the Czech Republic // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. June 29, 2009. – URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/cz/1675837/>
10. Passport of scientific specialty 5.1.5 "International Legal Sciences". – URL: <https://mgimo.ru/upload/2022/08/5.1.5-mezhdunarod-pravovye-nauki.pdf>